

УДК 681.5.015.23:655.3

DOI: 10.34670/AR.2023.82.61.019

Проблема горного дела в России в 1917 году**Руднева Светлана Евгеньевна**

Доктор исторических наук, профессор,
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9/9;
e-mail: se_rudneva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов проблемы горного дела в России в 1917 году. Запасы топлива в Европейской России оставались к тому времени далеко не исследованными, использовались только открытые каменноугольные отложения. Предстояла еще огромная работа по изучению каменноугольной формации, которая перекрывалась более новыми формациями, как в Донецком бассейне – меловая и третичная. Новые площади могли бы открыть глубокие буровые работы. Независимо от этих будущих исчислений и тогда известные запасы были так велики, что могли обеспечить сильное развитие каменноугольной промышленности на много сот лет. В открытой уже части каменноугольной формации Донецкого бассейна находилось около 3.400.000 миллионов пудов (56.000 миллионов тонн). Подсчет был сделан до глубины 700 сажен ниже уровня моря, согласно норме, выработанной для мирового запаса угля. Московский бассейн, уральские, кавказские месторождения, большие залежи торфа также давали значительные запасы минерального топлива. Вся Сибирь признавалась безгранично богатой залежами угля. Один кузнецкий бассейн, по имевшимся тогда данным, содержал коксового и пламенного угля в четыре раза больше Донецкого бассейна. Следовательно, суждения о «бедности» России углем представлялись необоснованными. Вывод о том, что русская промышленность останется без обеспечения тепловой энергией, выглядел безосновательным. Успехи техники возрастали, поэтому ожидалось, что в недалеком будущем в качестве источников энергии смогут активно задействоваться самые разнообразные силы природы. Промышленности поэтому отнюдь не следовало основывать все свои перспективы на одном угле.

Для цитирования в научных исследованиях

Руднева С.Е. Проблема горного дела в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 1А. С. 183-189. DOI: 10.34670/AR.2023.82.61.019

Ключевые слова

Горное дело, топливо, уголь, Первая мировая война, Февральская революция 1917 года в России, Временное правительство, русская промышленность.

Введение

В российской печати 1917 г. затрагивался вопрос о том, должна ли Россия вообще поддерживать свою промышленность ввиду того, что будущее снабжение ее углем не обеспечено в силу сравнительной незначительности залежей его в России, по сравнению, в частности, с Англией и Германией. Однако для мнения о том, что залежи угля в России невелики, не существовало никаких объективных данных. Запасы топлива в европейской России оставались к тому времени далеко не исследованными, использовались только уже открытые каменноугольные отложения [Торгово-промышленная газета. 1917. 2 августа].

В то же время предстояла еще огромная работа по исследованию каменноугольной формации, которая перекрывалась более новыми формациями, как в Донецком бассейне – меловая и третичная. Новые площади могли бы открыть глубокие буровые работы. Независимо от этих будущих исчислений и тогда уже известные запасы были так велики, что могли обеспечить сильное развитие каменноугольной промышленности на много сот лет.

По подсчетам в 1913 г. Геологического комитета – главного государственного геологического учреждения в России, в который входили Л.И. Лутугин [Жемчужников, 1953, 181–193] и П.И. Степанов [Лутугин, 1913, 61–110], в открытой уже части каменноугольной формации Донецкого бассейна находилось около 3.400.000 миллионов пудов (56.000 миллионов тонн).

Подсчет был сделан до глубины 700 сажен ниже уровня моря, согласно норме, выработанной для мирового запаса угля. Московский бассейн [Пригоровский, 1915], уральские, кавказские месторождения, большие залежи торфа также давали значительные запасы минерального топлива.

Вся Сибирь признавалась безгранично богатой залежами угля. Один кузнецкий бассейн, по уже имевшимся тогда данным, содержал коксового и пламенного угля в четыре раза больше Донецкого бассейна. «После прокладки Сибирской магистрали потребность в угле резко возросла. Это сразу сказалось на темпах угледобычи. С 1901 по 1913 год добыча угля в Кузбассе поднялась почти в шесть раз, с 8 до 47,2 миллионов пудов в год. В 1913 году вся Сибирь дала 1 265 тыс. тонн угля, из них свыше половины – 773 тысячи тонн падало на долю Кузнецкого бассейна. Но в целом угольные ресурсы бассейна использовались в ничтожной степени, и во всероссийском масштабе на долю Кузбасса приходилось всего около трех процентов добычи.

Несмотря на примитивную механизацию, разработка мощных угольных пластов, залегающих неглубоко от поверхности, позволила достичь на коях Кузбасса относительно высокой производительности труда. Так, годовая выработка на одного рабочего с 1901 по 1910 год повысилась с 7 300 до 11 500 пудов. Для сравнения укажем, что в 1910 году средняя выработка на горнорабочего по России составляла 9 500 пудов, а по Донбассу – 8 500 пудов.

13 февраля 1913 года состоялось межведомственное совещание, в котором участвовали представители советов съездов горнопромышленников Юга России, Урала и Польши, представители углепромышленников Черемховского бассейна, Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз), Анжерских и Судженских копей, представители железных дорог и заинтересованных ведомств. Было объявлено, что в связи с недостатком донецкого угля для удовлетворения потребностей страны казенные железные дороги готовы значительно снизить тарифы для провоза сибирских углей и распространить действие сниженных тарифов вплоть до Москвы. Однако сибирские углепромышленники не отважились конкурировать с Продуглем и заявили, что они готовы снабжать своим углем Урал и Заволжье

и не претендуют на переход через Волгу, а поэтому просят считать конечными пунктами действия пониженных тарифов станции Батраки и Самару.

Так, Копикуз и синдикат Черемховских углепромышленников разделили сферы влияния с Продуглем, обязавшись ограничиться завозом сибирских углей и кокса на Урал и в Заволжье» [Окладников, 1967].

Следовательно, суждения о «бедности» России углем представлялись необоснованными. В то же время вывод о том, что русская промышленность останется без обеспечения тепловой энергией, выглядел безосновательным. Не вызывало сомнений, что успехи техники возрастали, поэтому ожидалось, что в недалеком будущем в качестве источников энергии смогут активно задействоваться самые разнообразные силы природы. Промышленности поэтому отнюдь не следовало основывать все свои перспективы на одном угле.

Развитие горной промышленности России после Февральской революции 1917 года

России мощно развитая промышленность была необходима. Все возможности развития русской промышленности следовало использовать наиболее разумно. В отношении каменного угля Донецкого бассейна стоило иметь в виду, что из всех запасов Донецкого бассейна 1/3 представляла собой спекающийся уголь, а остальные 2/3 – антрацит. Задача разумного использования добываемого угля сводилась, прежде всего, к тому, чтобы приспособить все топки паровозов и котлов на отопление антрацитом. Тогда для нужд металлургической промышленности [Руднева. Организация снабжения железных дорог России..., 2020, 246-260] освободилась бы большая часть спекающихся углей [Торгово-промышленная газета. 1917. 2 августа].

Каменноугольная промышленность Донецкого бассейна в предшествовавшие 30 лет развивалась соответственно развивавшейся промышленности и потребности. Развитие его до Первой мировой войны шло опережающими темпами. Однако в виду отсутствия кредита, особенно долгосрочного, развитие Донецкого бассейна шло за счет иностранных капиталов, что имело в достаточной мере отрицательное влияние на угольную промышленность. «С другой стороны, также правительство, в лице главного потребителя донецкого угля – казенных железных дорог, всегда оказывало отрицательное влияние на развитие промышленности, искусственно понижая цены. Особенно вредной в этом отношении оказалась борьба с «Продуглем» [Волобуев, 1956, 107-144], организацией, которая за все время своего существования не могла повлиять на безусловно необходимое повышение цен» [Торгово-промышленная газета. 1917. 2 августа]. По эти причинам за последние до 1917 года 10 лет средняя доходность предприятий не достигала 4%. Кроме того, иностранный ввоз также действовал на русскую каменноугольную промышленность угнетающим образом. Пошлины на северной и западной границах были настолько ничтожны, что весь северный и северо-западный районы европейской России беспрепятственно пользовались иностранным углем.

Эти обстоятельства создавали такое положение, что у предприятий, подверженных столь значительному риску, как углепромышленные предприятия, никогда не было уверенности и обеспеченности сбыта по таким ценам, на которые они могли бы твердо рассчитывать. При этом, когда началась Первая мировая война [Руднева. Учреждение Союза инженеров..., 2019, 113], и Россия одновременно лишилась как привозного угля, так и Домбровского (северо-восточной части Верхнесилезского каменноугольного бассейна на юге Польши) [Руднева.

Топливо и железные дороги России..., 2020, 400-405], Донецкий бассейн сумел не только удержаться на уровне прежней производительности, но и повысил ее.

Тем не менее, несмотря на повышение производительности, Донецкий бассейн не смог удовлетворить всей потребности страны. После Февральской революции 1917 г. [Руднева, 2005, 122-127], со времени установления в России нового строя [Руднева, 1997, 151], производительность Донецкого бассейна начала падать. Ежемесячная добыча в апреле и в мае 1917 г. несколько превышала 127 миллионов пудов, а в июне не достигла этой цифры, тогда как в январе – марте 1917 г. она составляла примерно 150 миллионов пудов. Сокращение добычи объяснялось уменьшением производительности рабочих. Уменьшение производительности труда имело место уже в 1916 г., когда оно объяснялось ухудшением состава рабочих. Контингент рабочих заполнился тогда, в значительной части, военнопленными, женщинами, подростками, а «эти рабочие «военного времени» оставляют, конечно, желать много лучшего» [Торгово-промышленная газета. 1917. 2 августа]. Сказанное подтверждалось цифрами. До Первой мировой войны норма средней производительности одного рабочего в месяц составляла 750 пудов. За время войны она непрерывно уменьшалась. В январе 1917 г. средняя производительность выражалась 500 пудами, а в апреле и в мае – 450 пудов. В августе 1917 г. производительность еще больше ухудшилась, что объяснялось беспокойным состоянием рабочего класса [Руднева. Учреждение союза инженеров..., 2019, 111-116]. Это беспокойное состояние, вызванное той огромной социальной ломкой, которая тогда существовала, выражалась и в Донецком бассейне подчас в неумеренно обостренной форме, сопровождалась чрезвычайно нежелательными эксцессами, например, в виде неоднократно случавшегося увольнения служащих рабочими. К августу 1917 г. донецкая промышленность, как и вся промышленность страны, находилась в состоянии острого кризиса, «и многие предприятия должны будут, может быть, уже и в ближайшие дни, – закрыться» [Торгово-промышленная газета. 1917. 2 августа].

Тяжелое положение донецкой промышленности также усугублялось расстройством транспорта, вызывавшим накопление запасов, несмотря на уменьшение добычи. Следовательно, падение добычи сопровождалось еще большим падением вывоза. Кроме того, большие затруднения в получении необходимых для рудников материалов и продуктов тоже очень тяжело влияли на предприятия. Все вышеупомянутые обстоятельства ставили в тот период рудники почти в невыносимое хозяйственно-финансовое положение.

Правительство приходило на помощь донецкой промышленности различными видами ссуд, но, безусловно, ссуда не могла оказать значительного влияния на предприятие, работавшее на убыток. Все рудники, которые могли еще существовать для производства эксплуатационных работ, уже не могли производить подготовительных работ для эксплуатации будущих лет. Все это представляло, конечно, большую опасность для развития углепромышленности в послевоенное время, когда она была бы нужна стране не меньше, чем в военный период.

Для урегулирования донецкой промышленности в 1917 г. экспертами предлагалось наладить разрешение рабочего вопроса на копиях, заводах и железных дорогах [Руднева. Петроградский отдел союза инженеров..., 2019, 375-380]. «Необходимо, чтобы рабочие работали, дороги перевозили, иначе меры, принятые на фронте, окажутся беспредельно жестокими» [Торгово-промышленная газета. 1917. 2 августа]. Также следовало приложить старания к тому, чтобы установить свободный вывоз топлива и доставку всех необходимых рудникам материалов. Вместе с тем необходимым признавалось урегулирование продажной цены в зависимости от себестоимости угля при некоторой прибыльности предприятия,

достаточной хотя бы для нормального погашения имущества и небольшого процента на затраченный капитал. Только при создании таких условий, по мнению некоторых экспертов, могло бы в тот период упорядочиться дело в Донецком бассейне.

По вопросу об условиях, необходимых для развития донецкой промышленности, рассматривалась проблема притока капиталов. Для минимально необходимого развития донецкой промышленности нужен был приток громадного масштаба. В тот период для устройства новых предприятий и новых шахт на действовавших рудниках на каждые 10 миллионов пудов годовой добычи требовалось затратить $4\frac{1}{2}$ – 5 миллионов рублей. До войны на такое же количество требовалось $2\frac{1}{2}$ – 3 миллионов рублей.

За ближайшие увеличения прибыли предполагалось довести минимум до 1 миллиарда пудов угля в год, хотя бы только для замены иностранного угля и, соответственно, нормальному увеличению потребности. В целом, для исполнения такой весьма скромной задачи понадобилось бы не менее 460 – 500 миллионов рублей. Такое увеличение добычи считалось тем более необходимым, что промышленные предприятия Петрограда и северо-западного побережья, естественно, были бы перенесены в Донецкий бассейн.

Заключение

В то же время политические, финансовые, экономические, социальные обстоятельства того периода времени не давали оснований ожидать какой бы то ни было приток иностранных капиталов. Что касалось русского капитала, то он переместился бы, по всей вероятности, в более легкие отрасли промышленности, как, например, железнодорожное дело [Агавелян, 2016, 30], текстильная, химическая промышленность и другие. В целом, чрезвычайно трудно было надеяться, что существовавшие предприятия будут развиваться, а тем более открываться новые.

Однако если бы обстоятельства изменились в том направлении, что для притока капиталов в горную промышленность создались бы более благоприятные возможности, то одним из главных факторов развития углепромышленности стала бы свободная разработка недр – горная свобода. Этот вопрос мог бы быть легко разрешен в форме предоставления права распоряжаться недрами государству в форме принудительно регулирования арендных отношений. Национализация недр в тот период признавалась вряд ли осуществимой. Большие затруднения могли встретиться по вопросу об отношении к недрам уже разрабатывавшимся, открытым и таким, обнаружение которым представлялось возможным в дальнейшем, а также существовавшие долгосрочные контракты и очень сложные отношения между предпринимателями и владельцами. Относительно вопроса о введении угольной монополии отмечалось, что угольная монополия, безусловно, могла помочь урегулированию железнодорожного движения [Руднева. Топливо и железные дороги..., 2020, 400-405]. Также угольная монополия могла сыграть большую роль в отношении рационального распределения топлива по сортам и районам. Что касается влияния монополии на производительность копей, то в этом отношении пришлось бы считаться со значительными затруднениями.

Библиография

1. Агавелян Н.Г., Аджигитова Е.В. и др. История становления и развития медико-санитарной службы на железнодорожном транспорте России. М., 2016.
2. Волобуев П.В. Из истории синдиката «Продуголь» // Исторические записки. 1956. Вып. 58. С. 107-144.
3. Жемчужников Ю.Е. Леонид Иванович Лутугин – основоположник угольной геологии // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. М.: АН СССР, 1953. С. 181-193.
4. Лутугин Л.И., Степанов П.И. Донецкий каменноугольный бассейн. Очерк месторождений ископаемых углей

- России. СПб., 1913.
5. Окладников А.П. (ред.) История Кузбасса. Ч. 1-2. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. 380 с.
  6. Пригоровский М.М. Об углях и некоторых других полезных ископаемых Подмосквовного бассейна. Пг: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 94 с.
  7. Руднева С.Е. Делегация Московской городской думы на Демократическом совещании (сентябрь 1917 г.) // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 151.
  8. Руднева С.Е. Из истории Предпарламента (1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 122-127.
  9. Руднева С.Е. Организация снабжения железных дорог России металлами в 1917 году // Актуальные вопросы современной науки и образования. Пенза, 2020. С. 246-260.
  10. Руднева С.Е. Топливо и железные дороги России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 1-1. С. 400-405.
  11. Руднева С.Е. Учреждение союза инженеров путей сообщения в 1917 году // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 3А. С. 111-116.
  12. Торгово-промышленная газета. 1917. 2 августа.

Problem of mining in Russia in 1917

Svetlana E. Rudneva

Doctor of History, Professor,
Russian University of Transport (MIIT),
127994, 9/9 Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: se_rudneva@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of some aspects of the problem of mining in Russia in 1917. Fuel reserves in European Russia remained far from being explored by that time, only open carboniferous deposits were used. There was still a lot of work to study the carboniferous formation, which was overlapped by newer formations, as in the Donetsk basin – cretaceous and tertiary. New areas could open up deep drilling operations. Regardless of these future calculations, even then the known reserves were so large that they could ensure the strong development of the coal industry for many hundreds of years. There were about 3,400,000 million poods (56,000 million tons) in the already open part of the carboniferous formation of the Donetsk basin. The calculation was made to a depth of 700 fathoms below sea level, according to the norm developed for the world's coal reserves. The Moscow basin, Ural and Caucasian deposits, and large peat deposits also provided significant reserves of mineral fuel. The whole of Siberia was recognized as infinitely rich in coal deposits. One Kuznetsk basin, according to the data available at that time, contained coke and flame coal 4 times more than the Donetsk basin. Consequently, the judgments about the "poverty" of Russia with coal seemed unfounded. The conclusion that Russian industry would be left without providing thermal energy looked groundless. Technological advances were increasing, so it was expected that in the near future, a wide variety of forces of nature would be actively involved as energy sources. Industry, therefore, should by no means have based all its prospects on one angle.

For citation

Rudneva S.E. (2023) Problema gornogo dela v Rossii v 1917 godu [Problem of mining in Russia in 1917]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 13 (1A), pp. 183-189. DOI: 10.34670/AR.2023.82.61.019

Keywords

Mining, fuel, coal, World War I, February Revolution of 1917 in Russia, Provisional Government, Russian industry.

References

1. Agaveleyan N.G., Adzhigitova E.V. et al. (2016) *Istoriya stanovleniya i razvitiya mediko-sanitarnoi sluzhby na zheleznodorozhnom transporte Rossii* [The history of the formation and development of the medical and sanitary service in the railway transport of Russia]. Moscow.
2. Lutugin L.I., Stepanov P.I. (1913) *Donetskii kamennougol'nyi bassein. Ocherk mestorozhdenii iskopaemykh uglei Rossii* [Donetsk coal basin. An outline of the deposits of fossil coals of Russia]. Saint Petersburg.
3. Okladnikov A.P. (1967) (ed.) *Istoriya Kuzbassa. Ch. 1-2* [History of Kuzbass. Part 1-2]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
4. Prigorovskii M.M. (1915) *Ob uglyakh i nekotorykh drugikh poleznykh iskopaemykh Podmoskovnogo basseina* [About coals and some other minerals of the Moscow basin]. Pg: Tip. M.M. Stasyulevicha Publ.
5. Rudneva S.E. (1997) Delegatsiya Moskovskoi gorodskoi dumy na Demokraticheskom soveshchanii (sentyabr' 1917 g.) [Delegation of the Moscow City Duma at the Democratic Meeting (September 1917)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 11, pp. 151.
6. Rudneva S.E. (2005) Iz istorii Predparlamenta (1917 g.) [From the history of the Pre-Parliament (1917)]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History], 6, pp. 122-127.
7. Rudneva S.E. (2020) Organizatsiya snabzheniya zheleznykh dorog Rossii metallami v 1917 godu [Organization of supply of Russian railways with metals in 1917]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Actual issues of modern science and education]. Penza, pp. 246-260.
8. Rudneva S.E. (2020) Toplivo i zheleznye dorogi Rossii v 1917 godu [Fuel and railways of Russia in 1917]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economy: yesterday, today, and tomorrow], 10(1-1), pp. 400-405.
9. Rudneva S.E. (2019) Uchrezhdenie Soyuzha inzhenerov putei soobshcheniya v 1917 godu [Establishment of the Union of Railway Engineers in 1917]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8(3A), pp. 113.
10. *Torgovo-promyshlennaya gazeta. 1917. 2 avgusta* [Trade and industrial newspaper] (1917). August 2].
11. Volobuev P.V. (1956) Iz istorii sindikata «Produgol» [From the history of the syndicate "Produgol"]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 58, pp. 107-144.
12. Zhemchuzhnikov Yu.E. (1953) Leonid Ivanovich Lutugin – osnovopolozhnik ugol'noi geologii [Leonid Ivanovich Lutugin – the founder of coal geology]. *Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. Vyp. 1* [Essays on the history of geological knowledge. Issue 1]. Moscow: USSR Academy of Sciences, pp. 181-193.